

М. Хайдеггер: pro et contra, антология.
Науч. ред. Ю.М. Романенко. СПб.: РХГА, 2020.
1152 с.; **М. Хайдеггер и русская философская
мысль.** Коллективная монография. Отв. ред.
Ю.М. Романенко. СПб.: РХГА, 2021. 383 с.

Для цитирования: Михайлов И.А. Рец. на кн.: М. Хайдеггер: pro et contra, антология / Науч. ред. Ю.М. Романенко; М. Хайдеггер и русская философская мысль / Отв. ред. Ю.М. Романенко // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 389–408.

For citation: Mikhailov, I.A. “Rets. na kn.: Romanenko Yu. (ed.) M. Khaidegger i russkaya filosofskaya mysl’; Romanenko Yu. (ed.) M. Khaidegger: pro et contra, Antologiya” [Review: Romanenko Yu. (ed.) M. Heidegger and the Russian Philosophical Thought; Romanenko Yu. (ed.) M. Heidegger: pro et contra, Anthology], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 389–408. (In Russian)

Heavy is good, heavy is reliable.
Boris ‘The Blade’

Очередной сборник работ о Хайдеггере¹, состоящий из одной тысячи (и еще полутора сотен) страниц, уже в силу своего объема пробуждает надежду, что здесь получит освещение большая часть тем, имеющих отношение к философии Хайдеггера.

¹ М. Хайдеггер: pro et contra, антология / Науч. ред. Ю.М. Романенко; вступ. статья Ю.М. Романенко, С.А. Коначева, А.Б. Паткуль, А.Э. Савин, А.В. Михайловский, Н.А. Артеменко. 2-е изд. СПб.: РХГА, 2020. 1152 с. (Русский Путь). – Далее цитируется как РС; ссылки в тексте.

Наряду с необычайно большим объемом тома обращают на себя внимание два обстоятельства, связанных с авторским коллективом, взявшимся за эту работу. Первое касается научного редактора книги. Обыкновенно мы ожидаем, что за сложное дело систематизации исследований в некоторой научной области берется человек, сам известный своими достижениями в этой области. Однако времена меняются. «Руководитель проекта и научный редактор книги», Ю.М. Романенко, еще года три назад ни в каком интересе к Хайдеггеру не замеченный, за эту работу берется². Второе обстоятельство касается необычайно большого количества авторов этого тома, которые были записаны в «составители». Их ровно 12 человек³. И это совершенно особый («наш, российский»?) феномен. Обыкновенно авторами научного проекта (научной идеи) – по крайней мере, в области философии – становятся не более 3–4 человек. Насколько, должно быть, титаническая была проделана работа, если для отбора *свидетельств* о философии Хайдеггера понадобилось целых 12 философов! Впрочем, как становится ясно уже из Предисловия, даже в сокращенном варианте этого пестрого коллектива – т.е. в качестве авторов вступительной статьи к сборнику⁴ – составителям не удалось достичь единства в определении научного подхода⁵. Помимо «разнородности

² Вероятно, начало интереса к Хайдеггеру (и, одновременно, появление намерения «систематизировать», подвести итоги всей многообразной рецепции Хайдеггера в России) следует датировать 2018 г. – одновременно с началом исследовательского проекта по проекту РФФИ «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли» (2018–2020) № 18-011-00753, где Ю.М. Романенко выступал руководителем.

³ Помимо самого Ю.М. Романенко, также: Н.А. Артеменко, Д.Н. Гончарко, С.А. Коначева, А.Н. Крюков, А.В. Михайловский, С.В. Никоненко, А.Б. Паткуль, А.Э. Савин, В.Г. Арсланов, А.С. Лагурев, К.М. Антонов.

⁴ Написать ее доверили лишь половине из составителей (это Ю.М. Романенко, С.А. Коначева, А.В. Паткуль, А.Э. Савин, А.В. Михайловский, Н.А. Артеменко).

⁵ «Унифицировать разные подходы не представилось возможным», признают авторы (с. 7, сноска). Чуть далее составители пытаются выдать это за достоинство книги: воплощение самой идеи «pro et contra», «настоящий полифонический комплекс» (РС. С. 11).

стилистики и разности индивидуальных оценок», признаваемых самими авторами (РС. С. 7, сноска), указанные особенности напрямую сказались на качестве вводного текста: он имеет реферативно-назывательный, не аналитически-концептуальный характер; «актуальность и эвристичность» того, что составители называют «новой и оригинальной», методологической реконструкции «непрямой рецепции и обратной (“зеркальной”) рецепции философских идей» разглядеть не удастся.

В современной западной истории философии есть давняя и богатая традиция сборников, посвященных наиболее значимым философам современности (Гегелю, Дильтею, Brentano, Гуссерлю, Хайдеггеру) или их основным философским трудам. В отношении западных изданий жанровая и стилистическая определенность опознается достаточно определенно: это либо значимые отклики современников (последователей/учеников) мыслителя, высвечивающие важные аспекты мыслителя, в честь которого собирают книгу, либо представления отдельных проблем его философии, выполненные современными авторами, как правило, хорошо ориентирующимися в актуальных вопросах, поднятых их коллегами. Как обстоит дело с «русским Хайдеггером»?

Весь корпус перепечатанных в этом сборнике работ можно условно разделить на четыре группы: 1. Публикация фрагментов из работ русских религиозных философов первой половины XX в. (РС. С. 31–61, 87–89). 2. Тексты современных авторов, пытающихся затем вывести некоторые закономерности из этих кратких и обрывочных упоминаний (РС. С. 62–87). 3. Тексты авторов, которые вплоть до середины 90-х гг. своими работами о Хайдеггере или переводами его работ сформировали представление об этом философе в российском пространстве. (В алфавитном порядке: А.В. Ахутин, В.В. Библихин, Т.В. Васильева, П.П. Гайденко, А.А. Михайлов, А.В. Михайлов, В.И. Молчанов, Н.В. Мотрошилова, В.А. Подорога, Э.Ю. Соловьев, С.С. Хоружий, А.Г. Черняков⁶). 4. Разнородная по своему

⁶ Несколько особняком в этом ряду стоит известный германист А.В. Гулыга, для которого Хайдеггер никогда не был темой специального интереса, а также поэт А.В. Вознесенский, рассказывающий о своей личной встрече с философом.

качеству группа текстов, ранее публиковавшихся начиная с конца 90-х гг. Первые две группы текстов должны создать впечатление «исторической глубины» рецепции Хайдеггера, третья – представить основные парадигмы его интерпретации. Четвертая должна подтвердить, что «дело Хайдеггера живо» и продолжает оставаться в фокусе современных исследований. Посмотрим, что получилось в результате.

«Именем Хайдеггера»

«Хайдеггер в России», «Наш, российский Хайдеггер» – этот лейтмотив, внутренний нерв значительной части современных публикаций о немецком мыслителе, и он предельно отчетливо заметен на примере этого сборника. К сожалению, большая часть опубликованных текстов имеет к выбранному сюжетному герою, в честь которого они были выстроены, весьма отдаленное отношение. Это особенно хорошо заметно на примере Бердяева, но также и по материалам других авторов (Франк, Левицкий). Единственная закономерность, верно связующая все эти тексты, – это упоминание имени Хайдеггера или каких-либо слов, синтаксически совпадающих с теми, что некогда использовал немецкий философ. Признаться, этот подход кажется мне совершенно тупиковым. В 90-х его уже пытались использовать для феноменологии. Однако активная пропаганда т.н. феноменологии в России – так же, как и в этом альманахе по Хайдеггеру – использовала наиболее базовый уровень «сигнальной системы» (использование некоего ключевого слова), а потому только и могла в итоге обнаружить «несоответствие» интерпретации – тому, *что* интерпретируется, но никак не объяснить, в чем суть этого несоответствия. Результатом оказались фрустрация и чувство горделивого высокомерия.

Удивительно, но и едва ли не то же самое настроение демонстрируют и российские религиозные мыслители. (Похоже, уровень составителей соответствует тому, что они отбирают.) Большая часть этих текстов имеет отношение не к Хайдеггеру, а скорее подходила бы для хрестоматии о патологиях рецепции историко-философского наследия. По каким закономерностям

русский автор «узнает» нечто в текстах немецкого философа? Он проецирует на текст некоторые свои *ожидания* от того, чем может быть философия. В ряде случаев это набор личностных переживаний, который вообще сложно как-то комментировать. Описывая свои чувства от утраты жены, Бердяев вдруг протестует: «Не могу примириться с конечностью человеческого существования, которую Хайдеггер считает последней истинной» (РС. С. 47; орфография оригинала. – И.М.). Но где и когда Хайдеггер говорил нечто столь невообразимое? А неважно! Такая вот у его русского читателя «интуиция». Или вот еще одно прозрение.

«Мое отличие от Хайдеггера. Бытие и истина у него травма, сукровица, не отражение», – заявляет Лившиц (РС. С. 163).

Я понимаю, конечно, что обрывки сложных текстов немецкого мыслителя могут встраиваться у человека иной философской культуры (и уровня) в какое-то свое, особым образом организованное сознание. Только какое отношение все это имеет к философским проблемам?

Итак, первая главная проблема сборника в том, что он построен вокруг идеи «Хайдеггер в России», за которой не стоит никакой особой философской глубины. Высказывания российских философов 1930–1950-х гг. ничего не открывают нам относительно хайдеггеровской философии. Они больше говорят о самих русских философах, об их поисках, о том, как они понимают природу философского знания, к чему стремятся – чем о Хайдеггере⁷. Поэтому, строго говоря, эти тексты в сборнике о *Хайдеггере* совершенно неуместны. Они создают иллюзию философско-релевантной рецепции там, где ее и в помине не было. Они создают *миф традиции*.

Означает ли это, что тема «Бердяев/Хайдеггер» или «Франк/Хайдеггер» не заслуживает обсуждения? Конечно же, нет. Но делать это надо тогда с уважением к обеим сторонам. К Хайдеггеру – так, чтобы мы не принимали любые высказывания

⁷ Таковы, к примеру, несколько страниц цитат, выписанных С.Л. Франком из «Бытия и времени» (РС. С. 55–61) – в сборнике они почему-то фигурируют как «конспект».

о нем (да и вообще о любом другом великом философе) за выражение собственно философского подхода. С уважением к русской философской традиции – т.е. так, чтобы главной нашей задачей было не выискивание западных слов, которые в ней встречаются, но мы исходили бы из задач, которые эта русская философия перед собой ставит, и уж только на основе этого мы пытались бы затем определить, что и почему оказывается для нее неприемлемым, а что могло бы стать позитивной альтернативой.

К сожалению, нет никаких следов того, что составители хотя бы подозревают о существовании этой проблемы. Похоже, каждый факт упоминания Хайдеггера в русскоязычных публикациях столетней давности рассматривается ими с совершенной серьезностью как значимая философская данность, свидетельствующая о «рецепции» Хайдеггера в России. «Не будет преувеличением сказать, что к настоящему моменту сложилась аутентичная отечественная традиция перевода, прочтения и осмысления хайдеггеровских трудов» – заявляют авторы сборника (РС. С. 7). Что же именно это означает слово «аутентичный», столь любимое теми, кто воодушевляется языком Хайдеггера? Подразумевает ли оно точность? Адекватность? Воспроизведение тех основных проблем (и проектов их решения), которые были важны для немецкого философа?

Подобранные тексты авторов разных поколений пестрят «проницательными» разоблачениями: у Хайдеггера то «нет ответа», то он «сам сознаёт противоречивость своей философии» (РС. С. 127). При этом, однако, они тиражируют штампы неадекватных впечатлений о немецком философе. С завидным упрямством экзистенциалы «Бытия и времени» интерпретируются как «трагические» (РС. С. 91), Хайдеггер предстает непременно как «нигилист» (РС. С. 91, 126) Ни составители сборника, ни воспроизводимые ими авторы, судя по всему, не знают, кто дал начало традиции определять философию Хайдеггера как «глубоко *атеистическую*» (РС. С. 127, 128). Они не помнят, кто первый начал – за неимением лучшего! – записывать и Хайдеггера, и Ясперса, и, конечно, Сартра в «экзистенциализм» (а уж внутри этого экзистенциализма проводить систематизацию на «религиозный» и «атеистический»).

Вечное возвращение того же самого

Сама идея серии «Pro et contra» построена на убеждении, что повторная публикация некоторых «наиболее важных» текстов может стать значимым научным фактом. Что несколько (много) текстов, напечатанных повторно, способны на тот эффект, который не удался им по отдельности. Посмотрим, как обстоит дело с этими повторами. Заметная часть текстов воспроизводится не просто повторно, а уже в третий или даже четвертый раз. Так, например, «Ландшафт Шварцвальда» В.А. Подороги, фрагменты из которого приведены в этом сборнике (РС. С. 391–438), печатался до этого по крайней мере дважды, третье издание последовало в 2021 г.⁸ Совершенно особую форму этот «метод повторения» приобретает в случае текста А.В. Ахутина. Впервые опубликованный более 20 лет тому назад⁹, он сразу же привлек мое внимание как подробно обоснованная позиция известного исследователя по одной из центральных проблем хайдеггеровской философии. Это заслуживало обсуждения и разбора, об этом *стоило* говорить. В переводческой конференции, которую я организовывал год спустя¹⁰, копия этой публикации открывала «ридер» подготовленных для обсуждения материалов. Обсуждения, однако, не состоялось. В тот раз я впервые столкнулся с характерным для российской научной жизни феноменом, подтверждавшимся в последующие годы еще не раз: невыговоренность, не-озвученность собственной мыслительной жизни, характерная для подавляющего

⁸ Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М., 1995. С. 246–330; Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. М.: Канон-Плюс, 2013. (См. также: Подорога В.А. Метафизика ландшафта: Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. (О С. Киркегоре, Ф. Ницше, М. Хайдеггере). М.: Наука, 1993). Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. М.: Канон-Плюс, 2021. 2-е изд.

⁹ Ахутин А.В. Dasein (материалы к истолкованию) // Философия в поисках онтологии: Сборник трудов Самарской гуманитарной академии. Вып. 5. Самара: Изд-во СаГА, 1998. С. 3–58.

¹⁰ «Проблемы перевода литературы по феноменологии и герменевтике» (Москва, октябрь 1999 г.).

большинства наших исследователей, настолько велика, что все силы, все внимание отдаются на озвучивание «своего» – собственной «позиции». Сколь бы случайной, фрагментарной, не относящейся к сути дела она ни была¹¹. Единственным эффектом привлечения внимания к этой статье стала ее перепечатка «Логосом» год спустя¹². Как это часто бывает, спустя некоторое время этот же текст воспроизводится снова, на этот раз в составе авторского сборника статей¹³. Однако и на этот, *третий* раз, никто, как кажется, не обращает внимания на серьезные проблемы, связанные с предложенным автором подходом к интерпретации Хайдеггера. Но вот то же самое нам предлагают уже по *четвертому* кругу (РС. С. 332–356), и тогда сам факт публикации одного и того же текста превращается уже в некоторый совершенно особого рода феномен. Мы теперь имеем дело как бы с регулярным – ритуально-назидательным? – воспроизведением «того же самого». Зачем? Потому ли, что воспроизводимое имеет непреходящее научное значение для нашей научной жизни? Однако фактически происходит нечто иное. Регулярно воспроизводимое консервируют в его неосмысленности и непонятности. Сама эта непонятность начинает функционировать как образец или «стандарт» интерпретации. Постоянство воспроизведения суггерирует устойчивость и надежность воспроизводимого. Воспроизведение создает иллюзию традиции.

В ряде случаев музейность этого помещенного в позолоченную раму портрета приобретает гротескные, если не печальные черты. Наряду с фрагментами русской религиозной или публицистической мысли, благополучно обогнувшей Хайдеггера

¹¹ В результате обсуждения на разного рода научных форумах (конгрессы, конференции, семинары) чаще всего имеют форму озвучивания различных мнений, которые связаны друг с другом лишь через общность звучания упоминаемых слов («Гуссерль», «Хайдеггер», «феноменология» и т.п.).

¹² Ахутин А.В. Dasein (материалы к истолкованию) // Логос. 2000. № 5/6 (26). С. 89–123. https://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_10.htm

¹³ Ахутин А.В. Поворотные времена. Статьи и наброски. СПб.: Наука, 2005. С. 551–600.

по касательной, составители считают необходимым воспроизвести наиболее одиозные образцы советской пропаганды, которым, вообще говоря, не место в сборнике научных статей¹⁴. Мне кажется, соединять в одном сборнике фельетоны-доносы и тексты философские – плохой стиль. Это безвкусно¹⁵.

* * *

Идея повторения как повторного воспроизведения некоторого набора текстов не является ни главной, ни исходной. Чуть позже я выскажу несколько гипотез о том, какую роль это повторение играет. Но обратим внимание на еще одну бросающуюся в глаза особенность подготовленного сборника «Pro et contra». Совершенно очевидно, работа над этой книгой ведется также и при еще одной руководящей идее (или цели). Она заключается не только в максимально полном воспроизведении прошлого, но также и идее *максимально широкого охвата*, возможно более полной репрезентации того, что составители считают исследованиями Хайдеггера. Именно поэтому задача заключается в том, чтобы «втиснуть» в него максимально большее количество текстов. Авторы должно быть как можно больше. Это осуществимо только если дать материалы в сокращенном варианте. Выбрав из них наиболее важное и ценное и отмечая выпущенные части одним из распространенных инструментов (знак «<...>»). Однако это решение сыграло с составителями злую шутку. Случайность, нерелевантность философии Хайдеггера, заметная уже на уровне выбора авторов и их произведений, воспроизводится здесь снова, но только с еще большей наглядностью. Чем более энергично вы кромсаете текст, вырезая «менее важное» иногда через каждые два-три предложения (РС. С. 565–589) – тем более вы стилизуете публикуемый

¹⁴ Так, например, воспроизводится фрагмент из идеологического фельетона середины 40-х гг.: *Быховский Б.Э.* Фельдфебели в Вольтерах (фашизм и философия). М.: Госполитиздат, 1943. С. 35–39. «Обер-лакеи фашизма», «горячечный бред», «датский обскурант, кликуша и психопат... Серен Кьеркегор...» – вот лишь немногие выражения этого пасквиля.

¹⁵ За Быховским у составителей тут же следует П.П. Гайденко.

текст под документ необычайной смысловой насыщенности. Наподобие тех фрагментов, которые делают для разного рода антологий из трудов Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Иммануила Канта и многих-многих других мыслителей прошлого¹⁶. Но тем самым вы делаете еще более очевидным интеллектуальную ограниченность сохранных крупниц мудрости. В некоторых случаях эта ограниченность становится гротескно очевидной. Как, например, во фрагментах статьи Д.Ю. Дорофеева (РС. С. 1079–1089). Бывают авторы, встретив имя которых в качестве автора публикации, вы можете рассчитывать на интересный, профессионально написанный текст. А есть и те, которые являются «символом некачества». К числу последних, вне всякого сомнения, принадлежит Дорофеев. Если вы встречаете в его публикациях диковато звучащие пассажи, которым не удастся найти адекватности в работах философов¹⁷, о которых пишет этот автор, удивляться не стоит: на каком бы иностранном языке он ни читал, понимает он прочитанное весьма приблизительно¹⁸.

В питерском сборнике есть и многие другие «символы некачества». Наиболее ярким из них является А.Г. Дугин. Повторно предоставляя площадку советской идеологии, составители пропагандируют также идеологию *новую*. Последние лет десять приспособить Хайдеггера к борьбе за «Русский Логос»

¹⁶ Ср.: Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 56–65; Т. 3. С. 102–104; 110–111 и т.д.

¹⁷ Например: «...Хайдеггер в “Бытии и времени” говорит о Dasein-аналитике как о “экзистенциальной антропологии”...» (РС. С. 1086).

¹⁸ Он неверно передает смысл слов, сказанных Хайдеггером Гуссерлю в 1929 г., на праздновании юбилея Гуссерля (ср.: Мартин Хайдеггер: сб. статей / Под ред. Д.Ю. Дорофеева, СПб.: РХГИ, 2004. С. 43; ср.: The Cambridge Companion to Heidegger / Ed. by Ch. Guignon. Cambridge, 1993. P. 84). Суть нацистских законов о «чистоте расы» 1933 г. Дорофееву, по всей видимости, не известна: он говорит о «чистке законов» нацистами» (там же. С. 44 / Cambridge Companion to Heidegger. P. 86). Неточности или ошибки здесь едва ли не на каждой странице подготовленного в 2004 г. издания. Тексты на немецком Дорофеев также понимает плохо. Это подтверждают его переводы в издании: Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / Под ред. Д.Ю. Дорофеева. СПб.: Алетейя, 2011. 568 с.

в своих многочисленных публикациях и видеолекциях пытается А.Г. Дугин. «...[Н]еобходимо полное доверие к самому этому процессу, к чтению как таковому»; «надо вначале вслушаться», «надо настроиться»; «чтобы разочароваться, надо предварительно очароваться», – призывает нас этот автор (РС. С. 652). «Логика сегодня скучна, – продолжает он. – Западная цивилизация за две тысячи четыреста лет успела в ней разочароваться» (РС. С. 653). Однако всякий раз, когда в этих трескучих выражениях предлагают «настроиться, вслушаться и очароваться», забыть про «скучную» логику, чтобы тут же «фасцинироваться» – *Логосом*, мне чудится лишь захлёбывающийся от собственного волнения голос А. Проханова, агитирующего нас за «русскую Идею». Осознают ли составители, что предоставляют в этом сборнике площадку для агитации автору, цели которого довольно далеки от собственно философских? Писателю, который стремится «выжать» из популярного философа максимум пользы для своей неоязыческой идеологии? Как бы то ни было, А.Г. Дугин, популярный автор ютуб-роликов и видеолекций, впервые оказался в компании авторов, которые вроде бы занимаются философией на профессиональной основе.

Что не так?

Первая главная проблема сборника заключается уже в самой его идее: составители исходят из того, что у нас имела традиция рецепции Хайдеггера, значимость которой сохраняется и по сей день. Эту традицию, считают они, имеет смысл воспроизводить. Вместо того, например, чтобы попробовать прочесть Хайдеггера внимательнее. Вторая проблема вытекает из первой: этот подбор текстов случаен; он не основан на знакомстве с Хайдеггером. *К сожалению, воспроизведенная в сборнике советская рецепция философии Хайдеггера не может сегодня стать основой для серьезного мыслителя.* Несомненно, многим такая оценка покажется несправедливой или излишне суровой. Для ее иллюстрации я укажу на ряд наиболее очевидных проблем. Каждая из них будет касаться принципиальных для Хайдеггера вопросов.

Во-первых, русскоязычная практика интерпретации Хайдеггера совершенно неверно определяет *место* этого мыслителя в философской традиции двух последних столетий. В чем конкретно это проявляется?

1. Одна из главных проблем – в помещении его в контекст идей т.н. экзистенциализма. До середины 1960-х гг. это было отчасти неизбежно (в силу влияния французской философии на европейскую и американскую) – однако уже к началу 80-х гг. в западной литературе такие интерпретации перестали доминировать, уступив первенство более дифференцированному подходу. В советской философии, изолированной от исследований Запада, этот подход был законсервирован и продолжает воспроизводиться до сих пор. Кроме того, российские исследователи, как кажется, даже не задумываются о совершенно необходимых здесь терминологических разграничениях: «экзистенциализм» (Сартра) / «экзистенц-философия» (Ясперса) и «экзистенциальная философия» (как более расплывчатое и аморфное образование). Третий вариант фигурирует в качестве варианта, эквивалентного первому (РС. С. 66). При этом Хайдеггер не имеет отношения ни к одному из них. Вообще, сама тема экзистенциализма – это своего рода «слепое пятно» отечественной философии. Никто толком не знает, что это такое и когда появилось. Непонятно, к чему это можно применять. Выражение «глубоко экзистенциальный» (РС. С. 526) уже с 60–70-х гг. – необычайно распространенный и ничего уже не означающий штамп.

2. Вторая по популярности – рассмотрение Хайдеггера как продолжателя гуссерлевской феноменологии (в связи с чем *Dasein* частенько интерпретируется как видоизмененная проблема сознания [РС. С. 50, 53]). – Здесь надо заметить, что два лекционных курса (всего два!)¹⁹, на которые только и может хоть как-то опереться подобная интерпретация, имели вполне конкретную учебно-педагогическую цель. Собственно, в «Бытии и времени» философ значительно более тщательно и осторожно выбирает терминологию.

¹⁹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998; Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб., 2001.

Все остальные беды в значительной мере проистекают из этой неверной контекстуализации. Неверно определены *основные задачи* философии Хайдеггера. Вслед за тем неверно определены и *основные проблемы*, которые ставит и решает Хайдеггер ради достижения этих задач. Непонимание места Хайдеггера в контексте философии XX в. и невнимание к терминологии, которую он с большой тщательностью выбирает, выражается в не-распознании смысла ключевых понятий его философии. Приведу всего лишь 4 примера.

2.1. Систематические проблемы с *Dasein*, центральным термином хайдеггеровской философии периода «Бытия и времени».

2.2. Неверно понято, как и с какими целями Хайдеггер вводит категориальную пару «*Eigentlichkeit/Uneigentlichkeit*». – В «Бытии и времени» это необходимо, поскольку Хайдеггер не желает исходить из той или иной «заранее данной» сущности человека; сущее, о котором должна пойти речь, всегда «индивидуально», «всегда мое»²⁰, каждый раз я-сам. Если отказываешься от традиционной сетки философских категорий, то первые констатации вполне могут оказаться довольно скромными, а иногда еще и балансирующими на грани тавтологии. Вот так и получается, что первые характеристики того особого сущего, сущность которого ему заранее не предначертана, конкретизируется как альтернатива «собственности» (ориентированности на себя и свои «возможности») и несобственности (т.е. обращенности не на себя, а «в мир», на любое другое сущее) (БВ, 43). Предупреждая наиболее вероятное неверное понимание этого термина, Хайдеггер специально отмечает: несобственность «однако не означает, к примеру, “меньше” бытия или “более низкого” бытийного уровня» (БВ, 43). Вопреки этому начиная с 60-х гг. российская интерпретация навязывает Хайдеггеру аксиологически-ценностную дихотомию «подлинного/неподлинного» (в данном сборнике: РС. С. 50–54, 60, 67, 77, 88–89, 123–126, 140, 167, 171, 190). Данная интерпретация в значительной мере ориентируется на англоязычные интерпретации

²⁰ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997. С. 42. (Далее: БВ; цитируется в тексте.)

Хайдеггера²¹, которые в те годы были доступны в советских библиотеках; она отчасти предопределена также его неверной контекстуализацией как «экзистенциалиста».

2.3. Приписывая Хайдеггеру ценностные характеристики там, где они отсутствуют и не обращая внимания на совершенно естественную для онтологии того времени «ценностную нейтральность», русскоязычные публикации систематически ошибаются в отношении философа к вопросу о ценностях²².

2.4. Необыкновенно значимая для философии XX в. проблема эмоций и чувств, намеченная у Фр. Brentano, затем разработанная в трудах т.н. мюнхенских феноменологов (Т. Липпс, А. Пфендер), а затем блистательно разработанная М. Шелером, встраивается Хайдеггером в онтологию (!) через экзистенциал «*Befindlichkeit*» («расположенности») – структуры, которая лежит в основе того, что мы знаем как «настроения» (БВ, § 28–29). Однако и эта проблема ускользает от советских интерпретаций 60-х, отчего Хайдеггеру приписывают беспомощную тавтологичность²³.

²¹ В английском для категориальной пары «собственное»/«несобственное» не удается подобрать более удачных эквивалентов, нежели *authentic/unauthentic* – так в обоих имеющихся переводах на английский: Heidegger M. *Being and Time* / Transl. by J. Macquarrie & E. Robinson. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1962. 589 p.; Heidegger M. *Being and Time* / J. Stambaugh translation. N.Y.: SUNY press, 1996. xvii, 487 p.; 2010. 2nd revised edit. 512 p.

²² «Более отрицательное значение, чем то, которое получило понятие ценности в философии Хайдеггера, трудно себе представить» – утверждает один из авторов (РС. С. 204).

²³ «...под феноменом *настроенности* он онтологически рассматривает не что иное, как то, что в онтическом плане хорошо известно как *настрое-ние*», – полагает П.П. Гайденко (С. 141. Курсив мой. – И.М.). К слову, здесь составители, не заметив ошибки распознавания текста, оставили: «онтическом» (что особенно досадно ввиду критики Хайдеггером традиционной парадигмы зрения, видения (ср., напр., БВ, § 36). К слову, таких огрехов, причем в написании важнейших философских терминов, крайне много. Авторы систематически ошибаются в ключевых понятиях (напр., ошибаясь в написании “*élan vital*” [РС. С. 521]),

Питерская вариация «нашего российского» Хайдеггера

Итак, начнем. Господи, благослови!

Т. Горичева

Золотая осень. Церковь Андрея Первозванного к северу от Питера. А на этом фоне – Мартин Хайдеггер, слегка согнувшийся от напряжения: что-то тяжелое в советском эмалированном ведре образца 70-х гг. Чтобы сделать связь между культурами предельно отчетливой, название очередного сборника, «М. Хайдеггер и русская философская мысль»²⁴, дублируется на немецком языке, шрифтом, стилизованным под *Textur*. Замысел и жанр еще одной книги, посвященной Хайдеггеру, заставляет теряться в догадках. Она подготовлена примерно той же командой, что выпускала издание «Pro et contra»; в Предисловии заявлена как ее продолжение (МХ. С. 4). Точно так же, как и сборник 2020 г., вторая книга выходит в 2021 г. сразу 2-м изданием. В 2020 г. авторский коллектив стремился всячески обосновать свои амбиции на уровне «всероссийском»: претендуя на «целостный охват» рецепции идей немецкого философа в нашей стране, на «новую методологию» изучения его трудов. В 2021 г. задачи не менее масштабны:

...рассмотреть исторические истоки русской хайдеггерианы, методологические особенности истолкования его²⁵ текстов, а также перспективные направления трансформации его идей в современной ситуации как у нас в стране, так и за рубежом (МХ. С. 4).

Фактически же авторы занимаются более скромными делами. 200 экземпляров новой книги посвящены в основном двум задачам: (а) разъяснению текстов, опубликованных годом ранее в серии «Pro et contra» (т.е., в общем, тому, чего не хватало в раннее изданном томе), а также (б) реконструкции истории того,

²⁴ М. Хайдеггер и русская философская мысль. Коллективная монография / Отв. ред. Ю.М. Романенко. СПб.: РХГА, 2021. 383 с. (Далее: МХ; ссылки в тексте).

²⁵ Подразумевается, очевидно, Хайдеггер. – *И.М.*

как развивалось изучение Хайдеггера в Санкт-Петербурге. Наш, российский Хайдеггер теперь все более отчетливо опознается как *наш питерский* Хайдеггер. Через обе книги проходит это совершенно особое рассогласование между притязанием на всеобщность²⁶ и стремлением к локализации философа, к раскрытию того личностного, задушевного, что связывает питерских мыслителей с немецким автором (быть может, еще даже более мощным). Книга бережно воспроизводит материалы обсуждений, которые проходили в научных кружках и философских салонах Санкт-Петербурга. Мольба о благословении Господнем перед началом обсуждения философских идей (РС. С. 233), особая кулуарность упоминания всех когда-либо участвовавших в разговорах о Хайдеггере, по имени-отчеству (МХ. С. 101–155), да уже и сам факт подробного пересказа этих разговоров создают особый эффект причастности этого-вот и там-то вот формирующегося круга для нашего, всероссийского понимания немецкого философа. И действительно, величие немецкого мыслителя таково, что у каждого, похоже, должен быть «свой, личный хайдеггер», своя история соприкосновения с ним. Эта история, сколь бы мало она ни сообщала об идеях немецкого мыслителя, тщательно сохраняется и оберегается. Во всех своих мельчайших деталях (РС. С. 233–253, 254–266).

Итак, решение второй, «личностной» задачи удалось наиболее выпукло и убедительно. Решение же первой, содержательной, трудно счесть удачным. Для сборника в целом характерен стиль альманаха, хорошо знакомого многим по выходявшим в 90-х гг. «Метафизическим исследованиям»: вроде бы названы верные темы – однако статья заканчивается еще до того, как автор успел сформулировать проблему²⁷. Не удается раскрыть тему «герменевтическая феноменология» (МХ. С. 5–33). Обширные цитаты из российских и зарубежных авторов не проясняют природу ни герменевтики, ни феноменологии, не говоря уже

²⁶ «...настоящее издание внесет свой вклад в прояснение фундаментальных вопросов, которые были поставлены германским мыслителем» – надеются авторы (МХ. С. 4).

²⁷ Так же обстоит дело и в «Pro et contra» (ср. публикации Ю.М. Романенко [РС. С. 1063–1070])

об их «соединении». Некоторые из предложенных в этом сборнике интерпретаций вызывают сильное недоумение. Развязный фельетон Быховского, оказывается, был опубликован в «Pro et contra» неспроста: «...его сталинистская трактовка философии Хайдеггера, пусть и ошибочная, несравненно ближе к ее марксистскому пониманию и к истине хайдеггеровской мысли, чем последующие ее интерпретации у Лукача и в “поднадзорном советском неомарксизме”» – убеждает нас А.Э. Савин (с. 82). Если в 70–80-х гг. обращение к западным мыслителям – в том числе к Хайдеггеру – для многих в нашей стране было средством «духовной фронды» против официальной идеологии, то сейчас свободомыслие демонстрируют, обнаруживая везде и повсюду *марксизм*. Да что там марксизм! А.Э. Савин идет еще дальше, заявляя:

идея приоритета бытия над сознанием роднит философию Хайдеггера и ленинизм (С. 84).

Совершенно замечательный тезис! Как видно, автор не допускает мысли, что Ленин и Хайдеггер могли использовать слово «бытие» в совершенно различных смыслах.

Можно заметить, что Хайдеггер как мыслитель является вызовом, препятствием для большей части авторов, опубликованных в этом сборнике. Каждый борется с ним как может и как умеет. Кто выбирая исключительно биографические сюжеты в качестве значимых, а кто – политические. Лишь немногим авторам удастся выбрать философски в целом адекватный, корректный тон (ср. фрагмент из книги Т.В. Васильевой²⁸). Масштаб немецкого мыслителя таков, что для утверждения собственной, авторской *концепции* непременно необходима *полемика* с Хайдеггером. С.С. Хоружий разворачивает ее ради обоснования своего проекта «синергичной антропологии» (РС. С. 939–962; ср.: с. 357–372). Э.Ю. Соловьев навязывает хайдеггеровскому мышлению «претензии на неоисторизм» (РС. С. 313, 312) и т.п.²⁹ В.А. Подорога использует

²⁸ Васильева Т.В. Семь встреч с М. Хайдеггером. М., 2004. С. 99–116.

²⁹ Притом что идеи немецкой традиции исторического мышления безусловно важны для Хайдеггера, Э.Ю. Соловьев конструирует немецкий историзм

понятийные аллюзии, предоставляемые текстами немецкого мыслителя для своих собственных ландшафтно-антропологических идей. Следуя логике собственной творческой мысли, каждый из современных исследователей делает при этом то, что должен. Однако что это значит для сборника в целом? В итоге, мы получили несколько групп материалов. Одна разносит Хайдеггера в пух и прах за «грехи» и ошибки, которые сами же авторы немецкому философу и приписали. Вторая вдохновляется звучанием или ассоциативными возможностями некоторых понятий немецкого мыслителя и плетет понятийную ткань собственной философии⁵⁰. Третья делится впечатлениями и ассоциациями, возникавшими при чтении работ этого философа или даже личной встрече с ним. Четвертую группу образуют материалы неясного жанра и назначения; некоторые похожи скорее на конспект лекции популярного характера (Ф.И. Гиренок, РС. С. 552–564): формулировки приблизительны, а критика Хайдеггера не очень понятно даже с чем относится. Эти первые четыре группы имеют примерно одинаковое отношение к Хайдеггеру. Пятую группу текстов можно уподобить попыткам максимально точно описать цвет, фактуру и все в деталях складки фрагмента какого-то огромного животного, скрытого от наблюдателя дощатым забором. Через щели в ограде то тут, то там удастся разглядеть лишь отдельные мелькающие фрагменты этого существа; о его форме и размерах остается только догадываться. Информации настолько мало, что иногда приходится пользоваться записями переговоров наблюдателей, занявших разные места вокруг забора. Результат немногим лучше, нежели исследование слона в известной притче.

не без определенных упрощений. В этом «историзме» присутствуют Лютер, Гегель и Фейербах, однако нет ни следа Дильтея и Йорка фон Вартенбурга.

⁵⁰ Жанровое разделение «вариаций на тему» и собственно интерпретаций совершенно необходимо. В противном случае вы постоянно попадаете в ловушку, используя для «разъяснения» некоего философа прошлого слова мыслителя, который занимается обоснованием *собственной* философии. Так, например, не следует использовать Левинаса – тем более позднего, периода «Гуманизма другого человека» для интерпретации Хайдеггера (РС. С. 515, 525). И не стоит называть В.А. Подорогу «комментатором» (РС. С. 25).

Мы уже говорили о том, что не менее половины всех материалов сборника «Pro et contra» публикуется уже в 3-й или 4-й раз (вероятно, чтобы более прочно закрепилось в памяти у читателя). Однако зачем составителям непременно необходимо в очередной раз публиковать откровенно слабые тексты? Неужели они сами не видят их ущербности? Сборник статей, вышедший годом позже, частично раскрывает тайну. Очевидно, забота о создании видимости традиции рецепции идей заметно преобладает над стремлением понять идеи немецкого философа. Составителям важно не только создать иллюзию традиции, но еще и центрировать ее непременно вокруг Санкт-Петербурга. На фоне тщательно вычерчиваемой истории исследования Хайдеггера в России все более отчетливо проступают контуры особой *питерской* традиции, памятником которой становятся оба недавно опубликованных сборника. Эта «традиция» постепенно замыкается сама на себя. В одном издании она публикует тексты своих представителей, а в следующем эти тексты обсуждает (РС. С. 617–624 / МХ. С. 132–137); она теперь все больше интересуется собой – например, историей «онтологического общества» Санкт-Петербурга или обсуждения Хайдеггера на философском факультете СПбГУ (МХ. С. 109–156).

Для философии сегодняшних дней одним из вернейших способов показать влияние некоей идеи означает демонстрация ее присутствия в самых разных культурах, т.е. проведения т.н. компаративного анализа. Любой, кто этим занимается, уже своей способностью к «сравнению» возвышается до позиции наблюдателя, мало кому доступной. Пользуются этим приемом и в сборнике «РС». Однако компаративные параллели, бессмысленные и беспощадные, помогают мало. Тем более, что для их проведения авторам кажется достаточным шапочного знакомства с темой³¹.

³¹ «Любому человеку, мало-мальски знакомому с текстами Хайдеггера и его пониманием Dasein («здесь-теперь-бытие»), а также с культурами Востока, сразу же приходят на ум...» (РС. С. 504) – так выглядит для автора минимально необходимое условие для компаративного анализа. Вот только *что* значит в философии быть знакомым с чем-то «мало-мальски»? (Приблизительность понимания термина «Dasein» автор иллюстрирует достаточно наглядно.) Что

* * *

Мы можем подвести определенные итоги. Для российской мысли Мартин Хайдеггер является сложным персонажем. Он вызывает целую гамму чувств: восторга и восхищения, любопытства, возмущения, негодования, неудовольствия и т.п. Эту противоречивую фигуру в российской традиции непременно следует каким-то образом локализовать, «вписать». Необходимо этого дикого зверя как-то «приручить». Тогда, возможно, ты, говорящий и пишущий о нем, найдешь свою связь с российской, а заодно и с западноевропейской традицией. И наконец-то освободишься для выражения собственных творческих идей.

«Короче говоря, Хайдеггер – в духовном отношении тупик. Преодолеть его можно лишь одним способом – повернуться к нему спиной и искать свободного пути» (РС. С. 91).

Сообразно этому девизу, выступающему интеллектуальным лейтмотивом обоих питерских изданий, нам открывается достаточно большой набор общих рассуждений о философии Хайдеггера, еще более богатая и разнообразная гамма чувств, вызываемых этим мыслителем. Мы видим, что самые первые попытки прочтения одного из сложнейших произведений XX в. закончились неудачно. Уже тогда это стало поводом для несколько высокомерного отношения к тому, что осталось непонятым. Сохраняющуюся и по сей день неизвестность Хайдеггера в России начинают представлять как богатую традицию интерпретаций. Однако увесистые тома не способны создать видимость присутствия.

*Игорь Анатольевич Михайлов,
Институт философии РАН*

бы могла означать для европейца «мало-мальская» степень знакомства с другими культурами? Что в некоторых странах для еды используют палочки, а в других встречаются чудачки, гуляющие босиком по раскаленным углям?

Многие из предложенных авторами «компаративных» параллелей откровенно сомнительны. Так, например, авторы пишут о «глубоко экзистенциальном» характере даосской мысли, о «даосском экзистенциализме» в учении «Чжуан-цзы» (С. 526), при этом под «экзистенциальным» понимая – иллюзорное (С. 527). Это, конечно же, неверно.